

Г. Б. Юдин

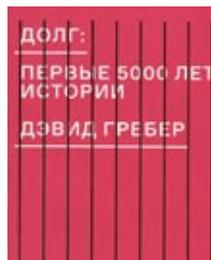
Долговые книги и книга о долге

Рецензия на книгу: Гребер¹ Д. 2014. *Долг: первые 5000 лет истории*. М.: Ad Marginem (пер. с англ.: Graeber D. (2011) *Debt: First 5000 Years*. Brooklyn, New York: Melville House).

ЮДИН Григорий Борисович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: gregloko@yandex.ru

Книга Д. Грэбера «Долг» стала одним из наиболее заметных событий в социальной науке последних лет. Внимательно разбирая природу долга, эта работа позволяет по-новому взглянуть на целый ряд феноменов хозяйственной и политической жизни — на деньги, обмен, рынок, государство. Наиболее интересная сторона книги — анализ моральных оснований хозяйственного поведения. Благодаря изучению морального измерения современных рынков, Грэбер предлагает работающий инструмент для конкретного анализа современного хозяйства в его связи с властными отношениями, неравенством, международной политикой. Центральная задача книги — объяснить, откуда берётся убеждённость в том, что «долги следует отдавать» при любых обстоятельствах. Историко-антропологический анализ позволяет Грэберу показать, как денежные долги связаны с распространением рынков и усилением государств. Книга рассчитана на широкую аудиторию, а также на специалистов в области антропологии, социологии, истории, политической философии.

В представляемой рецензии Г. Юдин продолжает свои рассуждения о книге², раскрывая её замысел и обосновывая вклад автора в научную дискуссию о моральной экономике. Также в рецензии отмечены достоинства и недостатки русского перевода.

Ключевые слова: долг; деньги; рынок; государство; финансовый кризис; моральная экономика.

Социальная наука становится интересной кому-то, кроме себя самой, когда способна открыть людям глаза на природу привычных и знакомых им вещей. Это невозможно делать часто: во-первых, за каждым таким открытием на самом деле стоит длительная работа многих исследователей, а во-вторых, чтобы донести его до широкой аудитории, нужны подходящий момент и дружелюбный к читателю автор. В книге Дэвида Грэбера «Долг» все звёзды сошлись, и мир получил доступный путеводитель по современной экономической жизни — он вышел в 2011 г. и уже переведён более чем на 10 языков.

До «Долга» Грэбер был известен, во-первых, как антрополог благодаря своим исследованиям государства и хозяйства в Мадагаскаре; во-вторых, как по-

¹ В отечественной издательской традиции ранее использовалось написание «Грэбер», которого и придерживается автор рецензии в своём тексте. — *Примеч. ред.*

² Сокращённый вариант рецензии был ранее опубликован на сайте «ПостНаука»; см. URL: <http://postnauka.ru/books/44667>

литический активист целого ряда антикапиталистических и альтерглобалистских движений; в-третьих, как человек, который нашёл способ эффективно связать первое и второе. Начиная с 1970-х гг. антропология была сильно политически ангажированной на фоне других социальных и гуманитарных наук, однако Грэбер сумел сделать её «наукой прямого действия». С его точки зрения, главное, чему учит антропология, — это воображение, а именно воображения нам не хватает для того, чтобы научиться видеть альтернативу тем сторонам общественной жизни, которые нас не устраивают [Грэбер 2015].

«Долг» — исследование совершенно иного масштаба, которое вывело Грэбера на новый уровень известности. В этой книге Грэбер атакует центральное явление нашей жизни: посчитайте, сколько раз в течение дня вы говорите себе, что должны кому-то что-то отдать, принести или сделать. Подумайте о том, сколько всего вы каждый день делаете, потому что кому-то должны денег, или, наоборот, потому что боитесь, что иначе будете кому-то должны. Проследите за своими эмоциями в эти моменты и подумайте, насколько сильно они управляют вашей жизнью. Стоит помнить о том, что эти переживания занимают ключевое место не только в отношениях между отдельными людьми: государства, огромные корпорации и целые социальные классы накапливают долги, которые никогда не смогут выплатить, и в результате мир постоянно сотрясают долговые кризисы.

С самого начала книги Грэбер задаётся вопросом, который может показаться нелепым: а с чего мы вообще решили, что долги всегда следует отдавать? Это как будто бы очевидно: если кто-то по собственной воле взял на себя обязательство, то отказ от его исполнения попросту приведёт к потере лица (так всегда происходит, когда человек делает вид, что его собственные поступки совершал кто-то другой). Но действительно ли мы можем говорить о «собственной воле» должника? А что, если он получил эти долги по наследству? Если он стал должником из-за решений правительства, которого он не признаёт? Если ему навязали эти долги?

Для владельца шахты или завода самым прибыльным бизнесом всегда было открыть рядом с предприятием лавочку для своих рабочих, где им будут милостиво продавать в долг то, на что им не хватает скудной зарплаты. Это тройная выгода: во-первых, рабочие не станут просить повышения зарплаты, потому что могут взять продукты в долг; во-вторых, куда за ними долг, они никуда не уйдут; в-третьих, лавочка будет исправно приносить доход, ведь рабочие исправно несут туда только что заработанные деньги. Вся конструкция держится именно на уверенности в том, что долги следует отдавать; и на том, что никто не хочет поинтересоваться, откуда взялись эти долги.

Чтобы понять, как появились долги, необходимо написать историю долга — именно эту задачу решает Грэбер. Однако для того, чтобы объяснить происхождение долга, нужно разобраться с целым рядом ключевых экономических институтов. Многие явления нашей экономической реальности представляются нам парадоксальными (например, почему готовность людей брать ипотечные и потребительские кредиты сначала разгоняет экономику, а потом приводит её к коллапсу?), но нам кажется, что эти явления «существовали всегда».

Чтобы провести деконструкцию этих самоочевидных фактов экономической жизни, Грэбер совершает несколько масштабных шагов. Первые пять глав книги посвящены тому, чтобы развенчать два ключевых мифа о природе долга — миф рыночных фундаменталистов о том, что мы всегда должны тому, у кого что-то берём, и миф патерналистов о том, что мы всегда в догу перед обществом, в котором живём. Вместо этого Грэбер показывает, что долг возникает, когда нет других способов обеспечить подчинение, ведь чувство долга — это удивительно эффективный механизм манипуляции людьми. Главы 6–7 повествуют о том, как этот механизм приводится в действие, как чувство долга насаждается извне замыслившими экспансию государствами. Это даёт основания для того, чтобы в главе 8 сформулировать теорию «циклов истории», определяющую социально-исторические условия для распростра-

нения отношений долга. В оставшейся части книги Грэбер использует эту теорию, чтобы разбить на циклы человеческую историю начиная с третьего тысячелетия до н. э., когда в Месопотамии появились долговые таблицы, первый прототип сегодняшних долговых книг. История долга продолжается в наше время, которое, с одной стороны, вписывается в общую циклическую схему и потому гораздо менее необычно, чем может показаться тем, кто говорит о «небывалой глобальной долговой катастрофе», а с другой стороны — исключительно, потому что, как полагает Грэбер, капиталистическая система натолкнулась на свои пределы (в первую очередь — экологические: ей стала слишком мала наша планета).

Чтобы разъяснить природу долга, необходимо начать с денег. В самом деле, мы пытаемся проводить различие между обычным обязательством или обещанием и денежным долгом, поскольку долг, как кажется, более формализован. Если мы берём займы 20 тыс., то и вернуть должны 20 тыс. плюс проценты согласно изначальным условиям. Допустим, мы исходим из того (как это делается обычно), что деньги — универсальная мера стоимости, которая облегчает взаимодействие между людьми, и любая человеческая экономика построена на деньгах, кроме тех случаев, когда она слишком проста, а введение денег ей просто не требуется. В таком случае мы придём к выводу, что долги — такой же неотъемлемый элемент людских отношений, как и деньги.

В основе такого взгляда на вещи лежит металлическая теория происхождения денег, которую Грэбер подвергает уничтожающей критике. Казалось бы, что может быть более очевидным: люди всегда обменивались друг с другом товарами, для упрощения этого обмена стали использовать деньги, а для отсрочки обмена придумали долги и проценты. Но стоит попытаться найти доказательства, как выяснится, что на самом деле нет никаких исторических данных, которые могли бы подтвердить эту картину мира. Прежде всего, иллюзией является то, что бартерный обмен представляет собой простейшую форму человеческого взаимодействия. В ограниченных человеческих сообществах деперсонализированный обмен вообще невозможен; в них стороны всегда вовлечены одновременно в тысячу отношений, и предполагать, что они будут выставлять друг другу цену за каждую вещь и услугу, просто абсурдно. Такой безличный формат отношений возможен только в отношении другого сообщества, то есть сообщества, которое предстаёт потенциальным врагом. Если бартер и возникает внутри человеческих сообществ, то это всякий раз происходит в условиях, когда деньги уже были в ходу, но по какой-то причине больше не могут использоваться (например, они потеряли цену, как в России начала 1990-х гг.).

Иными словами, теория, в соответствии с которой деньги появляются в тот момент, когда бартер становится слишком затруднительным, не имеет никаких оснований. И однако же с тех пор, как её в XVIII веке сформулировал А. Смит, она кочует из одного учебника экономики в другой. Причина в том что тот образ общества, из которого исходит экономическая наука, и который она распространяет, предполагает выделение «экономики» в отдельную область, коя «не имеет ничего общего с войной, страстями, приключениями, тайнами, сексом или смертью. Экономика проводит между различными сферами человеческого поведения разграничение, которого просто не существует у народов вроде гунвингу или намбиквара <...>. Это позволяет нам предположить, что жизнь чётко разделена на сферу рынка, куда мы ходим за покупками, и “сферу потребления”, к которой относятся наше увлечение музыкой и стремление к праздникам и флирту» (с. 37). Грэбер воспроизводит здесь введённую М. Моссом идею «тотального социального факта»: базовые институты человеческого хозяйства пронизывают всё существование человека, и нет никаких оснований думать, будто экономика естественным образом составляет особую «сферу» жизни человека [Мосс 1996: 85].

Чтобы демонтировать металлическую теорию денег, Грэбер использует харталистский подход, утверждающий, что деньги не появляются естественным образом из отношений обмена, но целенаправленно насаждаются государством. Эта теория имеет куда более внушительные исторические основания: в

самом деле, деньги никогда не возникают сами по себе; чеканка монет всякий раз начинается с необходимости собирать налоги. Однако с хартализмом возникает другое затруднение, из-за которого Грэбер не может его принять. Хартализм склонен утверждать, что чувство долга — результат того, что каждый человек от рождения находится в долгу перед другими людьми, перед семьёй, природой, Богом и, в конечном случае, перед всем человечеством. Мы обязаны мирозданию своим появлением на свет и тем, что оно дало нам возможность выжить, а следовательно, мы неизбежно будем испытывать по отношению к нему чувство долга. Однако непросто быть в долгу перед мирозданием, и тем более пытаться ему это возместить, поэтому врождённый, примордиальный долг интерпретируется как долг перед обществом (так его толковал Огюст Конт) или государством (такое понимание можно найти у многих харталистов). Иными словами, миф о долге как результате естественной коммерции заменяется мифом о долге как результате примата государства над человеком. И рыночный, и государственный подходы предлагают нам мифологемы, призванные заставить нас всю жизнь расплачиваться по неизбежным долгам. «Это великая ловушка двадцатого столетия: с одной стороны, есть логика рынка, где мы представляем себя индивидами, которые никому ничего не должны. С другой стороны, есть логика государства, в соответствии с которой мы все изначально несём бремя долга, но оплатить его мы не в состоянии. Нам постоянно говорят, что рынок и государство противоположны друг другу и что только в пространстве между ними у человека остаётся простор для действий. Но это ложное противопоставление. Государства создали рынки. Рынкам требуется государство. Одно не может существовать без другого, по крайней мере в том виде, в котором мы наблюдаем их сегодня» (с. 75).

В самом деле, мы привыкли жить в оппозиции «рынок — государство» и формировать свои политические убеждения исходя из неё. Если кто-то выступает против господства рынка, то предполагается, что он является сторонником «государственного регулирования экономики», и наоборот. В антропологии эта позиция подвергается систематической критике со времён Карла Поланьи, показавшего, что исторически развитие свободных рынков всегда происходило по инициативе государства, под его управлением и для его усиления [Polanyi 2001]. Для либерального государства превращение людей в чужаков, взаимодействующих друг с другом на рынке с целью реализации собственных корыстных интересов, стало эффективным рецептом разрушения солидарности между ними и возможности коллективного действия, а значит, условием долговременной власти над ними.

Грэбер совершенствует эту критику либеральной оппозиции «рынок — государство», исследуя, каким образом она организует нашу мораль. Чувство долга становится уникальным инструментом управления людьми именно потому, что мы ходим по кругу, то мечтая расплатиться со всеми долгами и обрести полную независимость от других людей, то думая о том, как «отдать свой долг Родине». Это неустранимое чувство долга и связанное с ним чувство вины создают идеальные условия для манипуляции людьми и воспроизводства властных отношений.

Нам сегодня трудно помыслить, как можно чувствовать себя комфортно, находясь в долгу. Между тем достаточно внимательно посмотреть на отношения между людьми вокруг, чтобы увидеть, что долг во все необязательно ведёт к необходимости его отдавать. Грэбер показывает это, разделяя все существующие форматы экономических отношений в человеческих сообществах на три группы — коммунизм, обмен и иерархия. В рамках первого (коммунизм) и последнего (иерархия) типов долг как обязанность вернуть ранее полученное вообще не возникает. В самом деле, в тех случаях, когда люди исходят из принципа «каждому по потребностям, от каждого по возможностям» (а это, по простому определению Грэбера, и есть коммунизм), у них не возникает желания выяснять, кто кому должен. В крепкой семье, в сплочённой общине, в дружеской компании, в хорошо мотивированном коллективе, да и просто в любом совместном деле мы не считаем, получили ли мы столько же, сколько отдали. Требуется, чтобы денежные отношения глубоко проникли в нашу жизнь, чтобы дети начали считать, сколько они должны родителям за то, что те их вырастили. Что же касается иерархии, то там, наоборот, получение блага

ведёт к возникновению зависимости реципиента от донора, и обе стороны соглашаются с тем, что поток ресурсов всё время будет идти в одном направлении.

Появление долга возможно лишь в случае обмена, а именно когда существуют «отношения между двумя людьми, которые не считают себя людьми принципиально разного рода и которые, по крайней мере потенциально, равны друг другу и действительно равны в по-настоящему важных вещах; сейчас они не находятся в равном положении, но могут так или иначе это исправить» (с. 124). Иными словами, аргумент Грэбера состоит в том, что долг — порождение рыночной системы, превращающей людей в чужаков и подталкивающей их к тому, чтобы стремиться освободиться от всякого долга друг перед другом. Каждый раз в истории, когда государство вводило институт рынка, человеческая мораль начинала определяться денежными долгами.

Такой взгляд на историю позволяет Грэберу разрешить ряд парадоксов долга, возникших перед всем миром в последние годы. Почему долг одних государств угрожает им потерей суверенитета, а долг других увеличивает их политическую мощь? Почему, когда лопаются долговые пузыри, ответственность за это ложится на мелких потребителей-заёмщиков, а не на банки и крупные корпорации, делающие колоссальные заимствования на финансовых рынках? Почему всякий раз максима «долги нужно отдавать» работает так избирательно? В конце концов, почему пузыри продолжают надуваться, хотя опыт учит только тому, что они лопнут с разрушительными последствиями?

С точки зрения Грэбера, 1971 г., когда была уничтожена Бреттон-Вудская денежная система, стал водоразделом в мировой истории. Освобождение денег от связи с драгоценными металлами стимулировало распространение виртуальных денег, а постепенное исчезновение материальных денег теоретически должно давать шанс на радикальную трансформацию долговых отношений. В самом деле, виртуальные деньги требуют такого объёма доверия, который едва ли совместим с рыночным капитализмом и его этикой преследования личного интереса. Пока, впрочем, долговые проблемы только нарастают. Как полагает Грэбер, это связано с тем, что капиталистическая экономика ещё не осознала всей радикальности перехода в мир без наличных денег и в настоящее время испытывает свои пределы в новых условиях (с. 378–379). Последние долговые кризисы столь болезненны именно потому, что стандартная технология навязывания долгов и чувства долга отдельным людям и целым государствам уже не сдерживается материальными носителями; кредитные пузыри надуваются с изумительной лёгкостью, так как требуют теперь одной лишь уверенности, что должника удастся заставить платить. Безграничная уверенность крупных заёмщиков в том, что в случае кризиса их будет проще спасти ради общего блага, очевидно противоречит жёсткой стигматизации должников. С точки зрения Грэбера, это означает, что либо в ближайшее время долговую мораль придётся пересмотреть либо взыскание долгов будет требовать всё более явного применения военной силы. В любом случае ближайшее время должно показать, чего стоят разговоры о внутринациональном и межнациональном единстве, благодаря которому возможно доверие и стремительное распространение виртуальных денег.

Этот прогноз, озвученный в 2011 г., уже успел несколько раз подтвердиться. Пожалуй, наиболее очевидным образом обнаруженное Грэбером напряжение проявилось в 2015 г. в ситуации с внешним долгом Греции. Когда Европейский союз в лице «тройки» стал требовать от Греции погашения суверенного долга, а условием его реструктуризации стало проведение неолиберальной политики жёсткой экономии, Греция оказалась перед риском утери суверенитета, а ЕС — перед угрозой начала распада. В этих условиях греческое правительство начало использовать теорию Грэбера практически как трафарет, впервые поставив под сомнение догму о том, что долги надо платить в любых обстоятельствах. Выдвижение встречных требований по выплате репараций Германией, а также проведение референдума, позволившего отделить народ от предыдущих неолиберальных правительств, принимавших решения о займах, — эти и другие популистские шаги обрели политическую эффективность благодаря тому, что

расшатали веру в казавшийся незыблемым принцип безусловного приоритета долга. В краткосрочной перспективе эта стратегия не принесла успеха, однако она заставила политиков и социальных теоретиков в Европе задаться грэберовским вопросом: в чём смысл политического объединения, в рамках которого одна сторона заставляет другую возвращать долги любой ценой? Может ли оно остаться политическим объединением, если для этого придётся применить военную силу? Не следует ли задуматься о других основаниях для единой Европы?

Самый важный вклад книги Грэбера в понимание того, как сегодня устроена экономика, состоит в указании на её моральные основания. Сущность экономики неуловима, если настаивать на аморальности чисто экономического поведения, как это порой делают критики экономистов из числа социологов. И наоборот, если просто признать экономическое поведение одной из форм поведения социального, то из поля зрения ускользнёт конфликт между стремлением человеческих сообществ к интеграции и диссоциирующей силой экономики. Выход состоит в том, чтобы исследовать моральный фундамент экономического: как особый взгляд на устройство отношений между людьми, взятый за основу экономистами, преобразует хозяйственную этику? В антропологии отказ от противопоставления морали и экономики произошёл давно³, и воздействие экономистов на формирование и продвижение новой этики является предметом серьёзного интереса в последние десятилетия благодаря исследованиям перформативности экономической науки. Однако исследование природы долга Грэбером отходит от этих историко-генетических штудий и открывает пространство для конкретного экономического анализа. Поскольку поведение рыночных агентов определяется особой долговой моралью, то и объяснение этого поведения следует искать не в принципах (квази)рациональной максимизации полезности, а в жёстких моральных законах, которые управляют нашими действиями куда строже, чем законы экономические. Как бы нам ни хотелось себя убедить в том, что наши действия управляются соображениями прагматичного удовлетворения своих потребностей, за самими этими потребностями стоят стремление к независимости, жажда благ, которыми должен обладать каждый состоятельный человек, или желание выполнить перед кем-то свой долг.

Подход Грэбера позволяет наполнить новым содержанием понятие «моральная экономика», введённое ещё Э. П. Томпсоном [Thompson 1971]. Если обычно под моральной экономикой понимают особый тип хозяйственных отношений (как правило, противоположных рынку и искажающих его), то обнаружение долговой морали за экономической деятельностью позволяет рассматривать как моральную любую экономику, а вовсе не только экономику бедных. Пожалуй, это особенно важно для российского контекста: споры о том, на ком должна лежать ответственность за выплату долгов и каковы следствия из этого, одновременно пронизывают внешнюю политику (достаточно вспомнить регулярные долговые конфликты с Украиной) и указывают на проблематичное ядро системы кредитования, ставшей двигателем потребительского рынка в последние годы. Моральная риторика в этих контекстах звучит постоянно, но до сих пор социальные исследователи не уделяли ей серьёзного внимания, принимая на веру разграничения между «чистой экономикой» и «политизацией», которые пытаются вводить заинтересованные агенты.

Появление «Долга» на русском языке может стать толчком для того, чтобы экономическая риторика со всем её моральным содержанием стала предметом внимательного анализа. Перевод, выполненный А. Дунаевым, даёт для этого достаточно возможностей. Переводить Грэбера не так легко, как может показаться. Хотя он намеренно пишет для широкой аудитории и снабжает изложение множеством примеров и аналогий, сама его аргументация контринтуитивна и оттого непроста, так что от переводчика требуется хорошее понимание логики этой большой работы. Русский текст достоверно передаёт образные выражения и позволяет следить за мыслью автора. Проблемы начинаются лишь при передаче

³ См., например, ставший классическим сборник: [Parry, Bloch 1989].

фамилий и специальных терминов, которые, вероятно, незнакомы переводчику. Так, *reciprocity* переводится как «взаимность» вместо устоявшегося «реципрокность», трудовая теория стоимости называется «рабочей», а теория социального обмена становится «социальной теорией обмена».

С фамилиями дело обстоит ещё хуже. Прежде всего, редакторы перевода отступили от уже принятого отечественными издателями написания фамилии самого автора книги. Поскольку Грэбера переводят на русский язык не в первый раз (ранее публиковались отдельные тексты, да и книга «Фрагменты анархистской антропологии» появилась на полках магазинов раньше «Долга»), имело смысл придерживаться уже существовавшей традиции, пусть она и не совсем корректна. Грэбера наверняка будут переводить на русский ещё, так что дальнейшая путаница обеспечена. Не лучше ситуация и с фамилиями в самом тексте книги. Грэбер упоминает работы Мишеля Альетты, Рюдигера Дорнбуша, Рене Жирара, Криса Грегори, но русский читатель этих имён не найдёт, потому что они искажены при переводе в кириллическое начертание. Хочется надеяться, что во втором издании эти огрехи будут исправлены, и текст станет более удобным для работы с ним.

«Долг» рассчитан на широкую аудиторию, и это следует учитывать при оценке книги. В ней мимоходом упоминается множество учений и фактов, и при таком формате подачи материала автору неизбежно приходится опускать детали. Важнее, способна ли книга сформировать целостный взгляд на устройство хозяйственной жизни, поскольку на это, очевидно, претендует автор. Представляется, что соединить серию эссе по антропологической теории с трактатом по всемирной истории и продолжительными публицистическими комментариями — не самый простой способ достичь основной цели работы. Фактически под одной обложкой читатель найдёт сразу несколько книг. Однако призыв Грэбера выйти из-под гнёта моральных обязательств и перестать тратить время на попытки выполнить все обязательства и вернуть все долги уже находит отклик у читателей по всему миру. Нет, вы не должны читать эту книгу. Это просто имеет смысл сделать.

Литература

- Грэбер Д. 2015. *Фрагменты анархистской антропологии*. М.: Радикальная Теория и Практика.
- Мосс М. 1996. Очерк о даре. В сб.: Мосс М. *Общества. Обмен. Личность*. М.: Восточная литература; РАН; 59–158.
- Parry J., Bloch M. (eds) 1989. *Money and the Morality of Exchange*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Polanyi K. 2001. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press.
- Thompson E. P. 1971. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century. *Past & Present*. 50: 76–136.

Greg Yudin

Debt Books and a Book on Debts

Book Review: Graeber D. (2014) *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Debt: First 5000 Years], Moscow: Ad Marginem Press (in Russian); tr. from: Graeber D. (2011) *Debt: First 5000 Years*, Brooklyn, New York: Melville House.

YUDIN, Greg — Candidate of Sciences in Philosophy; Senior Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitsakaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: gregloko@yandex.ru

Abstract

David Graeber's *Debt* is certainly among the most prominent social science books of the last decade. It undertakes a careful analysis of the nature of debt and suggests a new vision of a number of economic and political phenomena — money, exchange, market, state. The research is particularly interesting for shedding a light on the moral foundations of economic behavior. Graeber studies the moral dimension of markets and develops a powerful tool for concrete analysis of contemporary economy in its relation to power, inequality, and international politics. The book takes for its main objective an explanation of why we tend to believe that 'one has to pay one's debts' regardless of circumstances. A historical-anthropological investigation demonstrates that money debts are closely linked to both ex-

pansion of markets and strengthening of states. The book is addressed to a wide audience; however, it is also a highly valuable source for anthropologists, sociologists, historians and political philosophers.

In the published book review, G. Yudin continues to discuss Graeber's monograph.¹ He unfolds the key ideas, demonstrates their contributions to research discussions on moral economy, and indicates the strengths and weaknesses of the Russian translation.

Keywords: debt; gift exchange; money; market; state; financial crisis; moral economy.

References

Graeber D. (2015) *Fragmenty anarkhistskoy antropologii* [Fragments of an Anarchist Anthropology], Moscow: Radikal'naya Teoriya i Praktika (in Russian).

Mauss M. (1996) Oчерк о dare [The Essay on the Gift]. *Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Societies. Exchange. Personality], Moscow: Vostochnaya Literatura Publishers; RAN; pp. 59–158 (in Russian).

Parry J., Bloch M. (eds) (1989) *Money and the Morality of Exchange*, Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Polanyi K. (2001) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston: Beacon Press.

Thompson E. P. (1971) The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century. *Past & Present*, no 50, pp. 76–136.

¹ The short version of the book review was published at *PostNauka*. Available at: <http://postnauka.ru/books/44667> (accessed 9 January 2016) (in Russian).

Received: January 9, 2016.

Citation: Yudin G. (2016) *Dolgovye knigi i kniga o dolge* [Debt Books and a Book on Debts]. Book Review on Graeber D. (2014) *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Debt: First 5000 Years], Moscow: Ad Marginem Press (in Russian); tr. from: Graeber D. (2011) *Debt: First 5000 Years*. Brooklyn, New York: MelvilleHouse. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 1, pp. 113–121. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/en/2016-17-1.html> (in Russian).